

УДК 808
ББК 83.7

Г.Г. Хазагеров

ТОПОС VS. КОНЦЕПТ: К ИЗУЧЕНИЮ ТОПОСФЕРЫ КУЛЬТУРЫ

В статье рассматривается риторическая категория – топос (общее место). Постулируется, что, несмотря на известную терминологическую путаницу, изучение топосферы – сферы топосов – релевантно в плане культурологических описаний, а в плане практическом, пожалуй, даже и более продуктивно, чем изучение концептосферы. В статье понятие «топос» отграничивается от концепта и смежных с ним явлений, дается рабочая классификация топосов и обозначаются перспективные направления исследования топосферы.

Ключевые слова: топос, концепт, архетип, мотив, фрейм, концептосфера, персоносфера, топосфера, риторика, литературоведение, лингвистика, словесность, коммуникативное пространство, общественное мнение.

Хазагеров Георгий Георгиевич – доктор филологических наук, профессор кафедры теории и истории мировой литературы Южного федерального университета
Тел.: 863-263-42-28
E-mail: khazagerov@gmail.com

© Г.Г. Хазагеров, 2008

Риторический смысл топоса

Термин «топос» встречается как в лингвистических, так и в литературоведческих работах, в последних даже чаще, хотя категория топоса проработана в них значительно слабее.

В отечественных лингвистических работах топос рассматривается в связи с теорией риторики, причем те авторы, которые пришли в риторику из стилистики и культуры речи, как правило, большого интереса к нему не проявляют, что видно из анализа учебников риторики. В зарубежных работах интерес к топике выше. При этом как зарубежные, так и отечественные авторы изучают топосы в связи с теорией аргументации и эристикой, т.е. это те авторы, которых риторика интересует в аспекте логики, педагогики, режиссуры – социологии, гораздо реже – семиотики. Именно поэтому в немногочисленных учебниках риторики одинаково удовлетворительно описаны и топосы и фигуры – два полюса риторики.

Во всех этих работах понимание топоса в конечном счете восходит к античной риторике. Понятие топоса было введено Протагором и развито Аристотелем в «Топике» [Аристотель, 1978 б, с. 347–531] и отчасти в «Риторике» [Аристотель, 1978 а, с. 23–24, 111–119]. Уже во времена Античности термин понимался достаточно неоднозначно, что, однако, не следует относить к «наивности» древних авторов. Не-

обходимо помнить, что в основе классической риторики лежит не картезианство и семиотика XX в., а прагматизм и конвенциализм, питающийся прецедентным мышлением. Риторика не была кабинетной наукой, и в отношении описания риторических средств важно было не столько дать непротиворечивую теорию, сколько работающий инструментарий. В этом состоял прагматизм. Конвенциализм же заключался в том, что древним авторам необходимо было узаконить, т.е. кодифицировать этот инструментарий, и риторический трактат играл именно такую роль. В этом можно, например, убедиться, читая замечание Квинтилиана о том, чем риторическая фигура отличается от речевой ошибки [Quintilian's institutes of oratory, 1909, с. 183]. Зная обо всем этом, в риторических категориях следует искать прагматический, а не логический смысл, но для того чтобы применять их сегодня, особенно за пределами риторики, например, в целях культурологического анализа, надо давать их точное описание, понимая при этом, что это описание наше собственное и не принадлежит истории риторики.

В.П. Москвин, специально исследовавший многозначность термина «топос» в античном словоупотреблении, выделяет три значения термина [Москвин, 2008, с. 98 и др.]. Это «правило, закон, аксиома» (1). Далее, «параметр анализа, угол зрения для производства доводов» (2). Наконец, «довод, аргумент, софизм» (3). Наиболее корректным по отношению к истории риторики и в то же время наиболее продуктивным нам представляется второе толкование термина, которое может конкретизироваться как «естественные пути, по которым идет мысль» [Grimaldi, 1972, с. 130], откуда, кстати, берет начало уничижительная трактовка «общего места» (топоса) с позиций романтического мышления: общее место – избитая мысль.

Топос – коммуникативный инструмент, с помощью которого можно, а иногда нужно (прескриптивный компонент риторики) рассматривать данный предмет. Можно было бы добавить в это определение слова «рассматривать в поисках доводов», но для риторики это избыточно, так как все в ней подчинено задачам убеждения, а для позднего понимания риторики, сливающегося с общей теорией речи, это излишне. В частности, это было бы лишним для аналитики, будь то литературоведческий или социологический анализ. Итак, мы рассматриваем топос как полезный или необходимый способ развертывания мысли и, соответственно, текста.

В принципе такое определение поглощает как частности и аксиому, и довод. Важно, что это путь, которым может идти рассуждение и, следовательно, путь развертывания, амплифицирования текста. Так, в научном дискурсе существует топос истории вопроса. Рассмотрение темы в аспекте истории есть один из способов развертывания научного текста и самого научного рассуждения. В том случае, когда научная речь не толь-

ко информативна, как в учебнике, но еще и персуазивна, как в научной дискуссии, история вопроса – это еще и один из способов найти нужный довод, так как описание истории вопроса может послужить обоснованием постулируемой гипотезы.

Отметим, что инструментально-конвенциональная природа топоса ставит его в один ряд со всеми остальными категориями риторики, будь то тропы, фигуры, стили или даже части ораторской речи. Это может обескуражить тех, кто пытается навести строгий логический порядок в основаниях риторики. И тем не менее ко всем инструментам риторики в какой-то мере применимо название «общие места» (топосы: *loci communes*, *κοινὸί τόποι*). То обстоятельство, что риторикой санкционирована такая часть ораторской речи, как «воззвание» (перорация), подразумевает возможность пользоваться этой категорией в целях убеждения, в то же время зная, что ты находишься внутри канона и тем самым поддерживаешь, а не нарушаешь общую коммуникативную культуру, укрепляешь конвенцию, используешь *общие* места. Таково же рассмотрение истории вопроса в научном тексте. Ее тоже можно рассматривать как типичную «часть речи» (в риторическом смысле). Кстати, эта часть в точности соответствует тому, что в классической риторике называлось *наррацией*.

Умение увязать общую заинтересованность говорящих в культивировании коммуникативной среды и их частные интересы составляло *квинт-эссенцию* риторики, понимаемой не как кабинетная теория, а как действующий социальный институт. Здесь надо искать объяснение и оправдание нестрогости античных авторов в определении понятий риторики. Современные же авторы к действующему социальному механизму с его своеобразным лингвистическим «прецедентным правом» зачастую подходят с мерками грамматики Пор-Рояль. Это равносильно попытке заменить *Дигесты* математической теорией.

Мне не раз уже случалось писать об этом уникальном механизме увязывания коммуникативных интересов в связи с противопоставлением ближней и дальней прагматики говорящих [Хазагеров, 2006 б]. Если вернуться к истории вопроса, то принципиально важно, что используя этот топос, мы одновременно обосновываем свои научные позиции и укрепляем канон научной речи, что в конечном счете ведет к культивированию дискурса, в котором мы существуем. Используя это общее место, мы участвуем в обустройстве того дискурса, в котором обсуждение научных истин будет комфортным для нас и других коммуникантов. Большинство ученых не знакомы с описанием научного стиля в функциональной стилистике, но поддерживают стиль, движимые естественной заботой об общем коммуникативном благе, лишь частично эту заботу берут на себя специальные институты стандартизации и унификации терминологии. Демократизм античной риторики в том и состоял, чтобы инициировать естественное поддержание коммуникативного поряд-

ка, обучая общим местам и другим премудростям. В этом ее принципиальное отличие от современных технологий воздействия в рамках пиара, имиджологии, искусства управления произведенными впечатлениями и т.п., совершенно не озабоченных проблемами общего коммуникативного блага. В этом же отличие риторики и от культуры речи или функциональной стилистики, для которых забота об этом коммуникативном благе осуществляется «сверху» введением достаточно жесткой прескрипции и без особенных забот о коммуникативных нуждах продуцента речи, хотя в последнее время здесь и отмечаются противоположные тенденции [Ширяев, 2003].

Заканчивая эту апологию риторики, необходимую для понимания функциональной природы топоса, следует сказать несколько слов относительно устойчивого представления о творческой бесплодности общих мест. Представление это, на наш взгляд, лишь дань романтическому мышлению, согласно которому мы до сих пор называем «мертвыми» и «окаменевшими» именно те метафоры, которые оказались релевантными для языка и культуры. Полемика же с романтическим мышлением для нас так или иначе неизбежна, потому что, как показал С.С. Аверинцев [Аверинцев, 1996], оно представляет собой антипод мышления риторического, и если мы хотим понять последнее, то должны хотя бы временно отказаться от первого.

Как, однако, обстоит дело с топосом в литературоведческих работах? В литературоведении топос стал модной темой после выхода в свет известной работы Э. Курциуса [Curtius, 1954], который впервые перенес категорию «общее место» из риторики в литературоведение и проследил судьбу некоторых общих мест в европейской литературе.

Однако с позиций реципиента речи, с позиций анализа написанного текста, причем такого своеобразного текста, как текст художественный, топос оказалось трудно отличить от мотива и архетипа, с которыми он обычно и отождествляется даже в словарных определениях [Махов, 2001, с. 1076]. В самом деле, пока мы понимаем под топосом способ развертывания текста, да еще и приуроченный к прозрачной коммуникативной задаче, эта категория выглядит понятной: например, мне нужно убедить оппонентов в своей правоте, и у меня есть такой ресурс (топос), как история вопроса. Но когда речь идет об анализе уже написанного текста, топка невольно сливается с тематикой. Оправдание такого подхода обычно находится либо в попытке описания тематического репертуара национальных литератур [Bouty, 1980], либо в описании атомарных, неделимых единиц тематического поля, т.е. мотивов [Силантьев, 1999]. В длинном ряде историко-литературных работ топос совершенно не отличим от мотива, концепта, а зачастую и от образа, иногда даже от обозначения места в буквальном смысле слова по аналогии с хронотопом Бахтина.

По-видимому, самым разумным было бы противопоставить топос концепту и другим категориям, близким к концепту, на основании того, что природа топоса коммуникативная, а не когнитивная. Это, как представляется, позволит объединить рассмотрение топоса с позиции говорящего с рассмотрением этой же категории с позиции слушающего. Если для говорящего топос – аспект развертывания текста, то для слушающего это аспект, которого обычно касаются, развивая данную тему. Ключевое слово здесь – «обычно».

Оппозиции «топос – концепт», «топос – архетип», «топос – фрейм»

Топос и концепт объединяет то, что через них может быть описано культурное пространство. И та, и другая категория могут быть рассмотрены в логике «сферы», т.е. некоего общего поля взаимозависимых сущностей (в духе «сфер» В.И. Вернадского и Тейяра де Шардена или семиосферы Лотмана). Идея концептосферы была высказана Д.С. Лихачевым в развитие мысли С.А. Аскольдова-Алексеева [Лихачев, 1993]. Различие же между топосом и концептом заключается в том, что концепт – категория когнитивная, а топос – коммуникативная. Концептосфера существует латентно. Она либо скрыта в сознании языковой личности, либо является неким виртуальным построением, по отношению к которому не совсем понятно, какие из носителей языка и культуры и в какой мере отражают данную концептосферу. Это не значит, конечно, что эту латентную сферу нельзя изучать. Особенно удобно изучать ее, опираясь на письменные тексты, принадлежащие одной какой-либо языковой личности, например, писателю. Топосфера же эксплицитна по определению, она существует не в сознании, а в общении, т.е. изначально объективирована и эксплицирована. Так, в английской культуре в ситуации завязывания знакомства и поддержания общения с малознакомым человеком принято говорить о погоде. Это топос погоды, манифестации которого легко наблюдаемы и описаны даже в разговорниках. С помощью этого топоса решается вполне прозрачная коммуникативная задача. Иное дело – концепт погоды в русской культуре.

Концепт обычно соотносят с понятием. Но концепт соотносится со смыслом, т.е. с содержанием понятия, а само понятие (в точном смысле слова) со значением, т.е. объемом понятия. Об этом пишет в своем словаре «Константы. Словарь русской культуры» Ю.С. Степанов, ссылаясь на логику Г. Фреге и А. Черча [Степанов, 1997, с. 41–42]. Тот же автор определяет концепт как «сгусток культуры», а Д.С. Лихачев, вводя понятие концептосферы, говорит о культурном шлейфе ассоциаций. По-

нятно, что как только мы переносим акцент со значения слова на смысл, т.е. с объема понятия на содержание, появляется возможность говорить о культуре как о концептуализаторе действительности. Например, объем понятия «каре́та» отличает ее от других типов экипажей, это дифференцирующая категория, а вот содержание – категория интегрирующая, в содержание будут входить сказочные коннотации «каре́ты» (золотая карета, карета Золушки), в русской концептосфере сюда входит и отсылка к финальной реплике Чацкого.

Концепты обустроивают кристаллическую решетку культуры, а топосы – коммуникации, т.е. той же культуры, взятой в ее важнейшем измерении. В концепте отражается коммуникативный опыт, но сам по себе концепт – когнитивная категория, ячейка смысловой сети, накладываемой на мир. Топос же есть способ развертывания текста, культура его развертывания. Концепт кареты живет в культуре, подчиняясь своим ассоциативным законам. Топос кареты будет жить в сказке, как способ развертывания сказочного текста о короле, принце и принцессе.

Топос привязан к коммуникативной задаче, это приземляет его, но это же позволяет строить работающие модели, когда возникают уже знакомые коммуникативные ситуации. Прогностически топос обладает, по-видимому, значительно большими потенциями, чем концепт. Так, в любовном объяснении легко прогнозировать топос «верности», а в русском политическом дискурсе – топос «твердой руки». С другой стороны, изменения в топосфере наиболее гибко отражают сдвиги в общественном сознании. Изучение общественного мнения с помощью так называемых открытых вопросов, глубоких интервью и, особенно, фокус-групп [Белановский, 2001] отражает интерес социологов к топосфере. Одно дело спросить, одобряет ли респондент деятельность какого-либо политика (да – нет – затрудняюсь ответить), другое – «разговорить» его на ту же тему. В последнем случае выяснится, как именно развертывается рассуждение об этом политике, в каких аспектах протекает развертывание. Чтобы понять, как работники вуза относятся к ЕГЭ, надо узнать, как обыкновенно развивается эта тема в их разговорах. Ясно, что автор, который будет писать о ЕГЭ, аргументируя ту или иную точку зрения, должен основательно понимать, в каком топическом пространстве он находится.

Коммуникативные модели, заданные общественной топикой, самым непосредственным образом влияют на коммуникативные ориентиры в бытовом поведении. Данные коммуникативные модели столь же живым образом связаны с моделями поведенческими и, возможно, более опосредованно – с когнитивными категориями. Такой взгляд в целом не противоречит гипотезе Сэпира – Уорфа, но сдвигает акценты в сторону значимости коммуникативных формул и хода мысли, возникающего именно в диалоге.

Если Б. Уорф, будучи страховым агентом, замечал, что люди редко страхуют от пожара строения из известняка, и объяснял это этимологией английского слова limestone, куда входит корень «камень» (stone) [Уорф, 1965], с ним можно только согласиться. Данные языка, языковая картина мира, отраженная в этимологии, во «внутренней форме» слова, в конечном счете могут повлиять на поведение человека. Но совершенно очевидно, что словесные формулы вроде «если враг не сдастся, его убивают» влияют на поведение человека гораздо непосредственнее. Они попросту легитимизируют определенный тип поведения. Если о врагах можно в таком аспекте рассуждать, следовательно, в таком аспекте можно (вероятно, даже нужно) действовать. Топос «ветреницы» и «вероломной женщины», несомненно, закрепляет стереотип подозрительности в поведении мужчины, а формула ревнивца «так не достанься же ты никому!» есть ни что иное, как вербальное обозначение прецедента убийства на почве ревности. Известно, какую роль играют прецеденты в юриспруденции (причем не только в прецедентном праве!). Но какую-то роль в течение веков играли, безусловно, и предрассудки, связанные с этимологизированием или другими проявлениями мифологизации языка. Однако роль прецедента гораздо значительнее. По-видимому, роль топоса в предопределении поведенческих реакций не менее значительна, чем факт этимологии или, например, преобладания в языке пространственных отношений над временными. Отметим, что применение топоса к правовым категориям позволило в свое время Т. Фивегу прийти к значительным результатам [Viehweg, 1953]. Коммуникативная категория «топос» в большей степени связана с предикативностью, с готовым суждением, с бытующим в обществе мнением, чем «внутренняя форма языка» Гумбольдта или «внутренняя форма слова» Потебни.

В конечном счете концепт – идея романтическая, гумбольдтианская или потебнианская, почти неизбежно связанная с некоторой мифологизацией языка и национальной культуры, объективированной, впрочем, сознанием самих носителей языка или части носителей языка. Топос же – типичное порождение аристотелизма. Это категория риторическая и несет на себе все черты риторического мышления. Концепт и архетип всегда отсылают нас к неким истокам, они есть следствие культурных напластований и порождают иллюзии об изначальных точках своего зарождения, об «исконных» точках культуры или даже сознания вообще (отсюда, в частности, любовь к этимологизированию). Именно в поиске истока, пракоцепта и таится опасность мифологизации. Топос же мыслится в риторике как категория функциональная, некая вневременная опора для развертывания текста, что также иллюзорно, ибо в реальности топосы подвержены селекции в связи с предпочтениями эпохи и национальным менталитетом. Но при этом топосы не направлены к «истокам», будучи категорией адаптивной, а не консервативной. Не случайно

концепты служили источниками националистических спекуляций, а топосы – нет.

Почувствовав опасность, нависающую над культурой, мы сознательно или бессознательно обращаемся к концептам культуры как к началу охранительному. Сегодняшний массовый интерес к концептам трудно объяснить одними лингвистическими причинами. В большой мере он поддерживается стремлением сохранить национальную культуру (особенно В.В. Колесов и его школа [Колесов, 2002]), в какой-то мере даже культуру вообще. Это стимулировано, таким образом, этническим самосознанием, умноженным на общеинтеллигентскую озабоченность эрозией культуры. Изучение же топосов стимулируется потребностью в гибком реагировании на вызовы времени, поисками средств культурной реабилитации и адаптации, поисками средств, останавливающих процессы деградации. Иными словами, топос по большому счету связан с решением экологической задачи. Это тоже защита национальной культуры, но другими средствами. Если концепт – грамматика культуры, то топос – ее лексика.

С архетипом топос роднят два качества: постоянная воспроизводимость и принадлежность коллективу. Однако, несмотря на второй признак, топос отличается от архетипа как категория коммуникативная, ориентированная на диалог, от категории когнитивной, связанной лишь с осмыслением действительности. В самом деле, архетип был введен К. Юнгом прежде всего как проявление коллективного бессознательного. В отличие от индивидуального бессознательного, представляющего собой, по Фрейд и Юнгу, эмоционально окрашенные комплексы, коллективное бессознательное есть, по Юнгу, результат прошлого коллективного опыта. Акцент при этом сделан Юнгом на то, что это досознательные формы, корреляты инстинктов.

При этом, однако, требует уточнения само понятие «коллективный опыт»: одно дело – совместное наблюдение какого-либо феномена, например, сновидения и смерти, другое – коммуникативный опыт, например, упоминание о погоде как форма поддержания разговора или топос души в рассуждениях о смерти. Очевидно, что топосы надо искать лишь среди вторых случаев.

Далее, в случае отстоявшихся форм коммуникативного опыта речь идет чаще всего не об инстинктах, а о конвенциях, часто вполне сознательных и отрефлектированных, как в случае с топосом погоды. Будучи конвенционально обусловленными, топосы являются дологической формой, но это не означает, что они являются формой досознательной.

Дологичность топоса состоит в том, что его система не чувствительна к логическим противоречиям. Пословицы любого народа – классический пример общих мест – обычно содержат взаимоисключающие положения. Сам топос в силу своей условности также может противоречить наблю-

дениям над внешним миром (упоминание о хорошей погоде, когда погода плохая). Для Юнга архетип существенно отличается от так называемого архетипа-образа, т.е. сознательной обработки архетипа в мифе или сказке. Топос же сам является сознательным коммуникативным ходом. Если за ним и стоял некий архетип – это несущественно.

Поскольку считается, что архетип – неременный атрибут художественной фантазии, последняя рассматривается как важнейший способ транслирования архетипов и тем самым осуществления преемственности культуры по отношению к ее истокам. Это романтическое в своей основе представление еще дальше уводит архетип от топоса, который транслируется любыми формами словесности – научной, художественной, публицистической (в особенности), бытовой, деловой. С другой стороны, изучение архетипа вне фольклора и древней литературы и рациональный подход к нему, идущий от К. Леви-Стросса, сближают архетип с понятием «вечный образ» и даже «топос», что размывает различие между этими категориями. Однако наличие топоса как в художественной литературе, так и за ее пределами позволяет все же избежать бесплодного отождествления понятий топос и архетип.

Изучение топики высвечивает социальную природу литературы и ее связь с другими видами словесности, изучение архетипики высвечивает психическую природу литературного творчества. Архетип – «правополушарен», топос – «левополушарен». Топос связан с теоретическими установками писателя, архетип – нет (если не считать традиции сознательной ориентации на архетипическое, что можно было бы толковать как «топос архетипа» в литературе XX в.). Термин «топос» применяют и к самому литературоведению как и к любой другой науке, поскольку ее результаты развертываются в ходе научной коммуникации. Термин «архетип» к научным трудам не применяют. Можно сказать об использовании бахтинской топики в какой-либо работе (диалог, карнавал и т.п.), но, как правило, все же не принято говорить об архетипе Бахтина в литературоведении.

Следует сказать и еще об одной когнитивной категории – фрейме. Отличие топоса от фрейма позволит яснее обозначить еще одну грань топоса.

Идея фрейма, сформулированная М. Минским [Минский, 1979], зародилась в связи с проблемой распознавания образа. Фрейм мыслился как рамка (такова этимология термина – frame) образа или ситуации, как трафарет с заполняемыми слотами (щелями). Например, фрейм стула включает в качестве слотов спинку, ножку и сиденье. Та или иная форма спинки, ножек или сидений конкретного стула будет заполнением слотов. Если человек видит лишь спинку стула, он легко распознает объект как стул, так как он имеет представление обо всем целом. Таким образом, фрейм сосредоточен на структуре объекта, топос же принципиально от-

крыт, континуален, и любой его «слот» можно развивать с помощью других топосов, как это показано еще Ломоносовым [Ломоносов, 1952].

Возьмем для примера фрейм посещения ресторана, который часто служит иллюстрацией фрейма в научной литературе. Фрейм «посещение ресторана» включает выбор столика, заказ, еду и оплату. Топос разговора о ресторане будет включать иное. Например, в связи с посещением ресторана может быть поднята тема цен, качества пищи, воспитанности обслуги и т.п. Каждый топос может быть раскрыт, например, с помощью «предметоцентрической» системы общих мест, приводимой М.Л. Гаспаровым [Гаспаров, 2001]. Так, может быть поднята тема места, где расположен ресторан (питерские рестораны и московские) или времени (рестораны советских лет и нынешние) и т.п. Таким образом, фрейм – это дискретная категория, топос – континуальная, что роднит его с метаплазмом как возможностью видоизменять речь в отличие от стилистической категории варианта как возможности выбора адекватной формы [Хазагеров, 2006 а].

Проблема однородности топоса

Вышеизложенное приводит к вопросу однородности топоса, без чего не может быть решена и проблема описания топосферы. Попробуем дать общую классификацию топосов и ответить на два вопроса: что объединяет эти явления и для каких исследовательских целей пригодны топосы того или иного вида?

Во-первых, в число общих мест традиционно входят абстрактные единицы, причем речь идет об абстракциях двух родов. Это может быть абстракция, направленная на внешний референт, и абстракция, направленная на саму речь. Эти случаи близки между собой, однако в первом случае мы берем за точку отчета саму вещь, во втором – предмет речи, что и дает две системы общих мест.

Первая система включает такие общие места, как «род и вид» (применительно к вещи), «части и целое» (вещи), т.е. все то, что идет от первых систематизаций и что последовательно отражено в словаре Р. Ланэма [Lanham, 1968]. Эта же система приводится в «Риторике» [Хазагеров, Лобанов, 2004]. Примеры будут приведены ниже.

К абстракции, направленной на речь, относится «предметоцентрическая» система общих мест [Гаспаров, 2001]. В нее входят четыре начальные рубрики: «до предмета (речи)», «вокруг предмета», «в предмете», «после предмета», подвергающиеся затем делению, напоминающему классификацию обстоятельств (как членов предложения). Например, «до предмета» членится на топосы «от места», «от времени», «от способа действия» и т.п.

Во-вторых, в число общих мест входят конкретные единицы, которые также могут быть направлены на внешний референт и на саму речь. Здесь внутреннее различие выглядит существеннее.

К первым типам конкретных топосов можно отнести виды так называемой энэргии (описаний, «графий»). Это анемография (описание погодных явлений), хорография (описание стран и обычаев), хронография (описание времен) и т.п. Данная терминология отражена в словаре «Культура русской речи» [Иванов, 776–778], где она, однако, не толкуется как топика. Сюда же относятся такие топосы, как «мальчик-старик», «перевернутый мир» и т.п., приводимые Э. Курциусом, получившим их не дедуктивным путем, а путем анализа литературного материала [Curtius, 1954].

К конкретным топосам, направленным на речь, можно отнести конкретные способы развертывания текста, такие как энумерация, анатомия, а также классические части ораторской речи от проэмиума до рекапитуляции и перорации. Эта терминология подробно описана в нашем словаре, находящемся в настоящее время в печати.

Все эти на первый взгляд крайне разнородные явления объединены своей прагматической функцией. Их объединение напоминает идею функционального поля в лингвистике, когда в одно поле включаются строевые единицы разных уровней. Но, настаивая на их объединении, способном шокировать современного исследователя, привыкшего работать над узкой темой, не приходится настаивать на их однородности в плане решения не риторических, а аналитических задач.

Прежде чем говорить о применении этих топосов, проиллюстрируем их примерами. Топос *первого типа* – абстрактное общее место, описывающее внешний референт. Пример – «род и вид». Воспроизведем применение этого топоса по автору учебника для гимназий К.П. Зеленецкого. В этом учебнике рассматривается возможность развертывания рассуждения «надежда утешает человека» с помощью топоса «род и вид». Выглядит это следующим образом: «Надежда утешает царя на троне, земледельца на ниве, пловца в волнах моря и т. п.» [Зеленецкий, 1997, 40]. Итак, владение общим местом «род и вид» позволяет развертывать мысль с помощью гипонимизации (гипероним «человек» заменяется гипонимами «царь», «земледелец», «ловец») и атрибутизации (трон, нива, волны моря). Наиболее естественная синтаксическая конструкция здесь – зевгма, что и использовано в примере, но возможны и другие языковые реализации данного общего места.

Топос *второго типа* – абстрактное общее место, направленное на саму речь. Приведем пример использования топоса «вокруг предмета». Предположим, предмет нашей речи – высшее образование и мы доказываем необходимость инвестиций в высшую школу. У нас есть топос «вокруг предмета», предполагающий возможность строить текст на сопоставлении или противопоставлении нашего предмета с другим пред-

метом. Следовательно, мы можем искать довод не только в самом предмете, но и «вокруг него». Например, мы можем привести такой довод: «Если вкладываются деньги в физическое здоровье нации, то не более ли необходимо вкладывать их в умственное здоровье»? Обычная реализация этого топоса – антитеза, при развернутом рассуждении типична аллюзия, при кратком – диафора (здоровье бывает умственным и физическим).

Топос *третьего типа* – это тот топос, к которому относятся виды энергии. Допустим, предмет юбилейной речи – город Ростов. У нас есть топос «хронографии», т.е. описания времен (в риторике он был задан схемой веков у Гесиода). Опираясь на этот топос, мы рисуем довоенный, военный, послевоенный Ростов. Привлекая анемографию, изображаем ростовскую розу ветров и т.п.

Когда мы говорили, что к этому топосу относятся виды энергии, мы подразумевали, что ими он не исчерпывается. Собственно говоря, энергия отражала задачи действующей античной риторики, живого социального института. Поэтому мы не разделяем презрительного отношения к этой терминологии как надуманной, высказанного авторами знаменитой «Общей риторики» [Общая..., 2006, 29]. Однако это не значит, что мы считаем античные энергии адекватным инструментом описания всех топосов этого типа. Напомним, например, о существовании топоса «перевернутого мира», важного для художественной литературы (немецкая «Шлаурафия», русская «Повесть о роскошном житии и веселии» и т.п.). Это тоже довольно специфичный топос, хотя и не входящий в энергию (в какой-то мере близко к нему из видов энергии подходит так называемая *топотесия* – описание несуществующих мест, то, что впоследствии назвали утопией). Очевидно, топика этой группы представляет собой открытую систему, «настраиваемую» в зависимости от особенной коммуникативной культуры.

Топос *четвертого типа* – это вполне конкретное общее место, направленное на самую речь. Проиллюстрируем его такой заштатной коммуникативной ситуацией научного дискурса, как развертывание диссертационного текста. Закончена глава диссертации, в ней были высказаны самые разные положения. Мы располагаем топосом «резюме», называвшимся в риторике рекапитуляцией. Это одновременно и часть текста («часть речи», как это называлось в риторике), и в то же время топос – способ тематизации, направленный на саму речь. Сюда же относится и приводимый выше случай с историей вопроса в научном дискурсе. А топос погоды, о котором также шла речь выше, может быть отнесен скорее к предыдущему случаю.

С точки зрения текстопорождения интересны все случаи. Например, здесь легко просматривается лингводидактический аспект. В отношении же описания топосферы данной коммуникативной культуры наиболее интересны два последних случая, особенно третий.

Топосфера: задачи и источники

И топосфера, и концептосфера могут быть рассмотрены в ресурсной логике. Гуманитарный ресурс – это своего рода запас прочности культуры. В гуманитарный ресурс входит инструментарий понимания мира – это язык с его концептосферой, а также всевозможные способы говорить и думать о уже понятых вещах – это речь с ее топосферой.

Концепты помогают распознаванию, узнаванию, идентификации явлений. Приведем пример. Вскоре после того, как в России получила некоторая распространение сеть Интернет, фондом «Общественное мнение» был проведен социологический опрос, где в качестве открытого вопроса респондентам предлагалось сказать, что такое глобальная сеть. Среди респондентов были не только и не столько пользователи сети. Просто была составлена представительная выборка, отражающая мнение россиян. Этот опрос обнаружил достаточно верное понимание работы сети и ее возможностей, причем понимание практически полностью деидеологизированное в противоположность выступлениям тогдашних идеологов в СМИ. Сеть в ответах была уподоблена двум вещам: библиотеке и телефонной сети. Произошло это потому, что существовали концепты, на которые можно было опереться при распознавании нового явления. Развивая идеи эволюционных рядов Э.Б. Тайлора, Ю.С. Степанов рассматривает подобные случаи в статье «Семиотика концептов», прослеживая, например, связь аэровокзала с обычным вокзалом и на семантическом, и на вещном уровне [Степанов, 2001]. Ясно, что чем беднее концептосфера общества, чем дальше отстоит новый концепт от уже известных концептов эволюционного ряда, тем меньше возможностей для модернизации и развития.

Топосы обслуживают коммуникацию, они представляют собой банк речемыслительных технологий. Топосфера человека, социальной группы или культуры также может быть богатой или бедной. Бедность речевых технологий может быть помехой не только в элементарной коммуникативной ситуации, например, при знакомстве, презентации или при необходимости что-то объяснить, но и при анализе какой-либо новой ситуации, причем уже не обязательно ситуации коммуникативной. Ведь концепты не несут ответственности за развертывание мысли. Так, например, риторическая анатомия представляла собой инструмент деления мысли на альтернативы. Существовали топосы рассуждений, основанные на отвержении всех возможных альтернатив (вид доказательства от противного) или отвержении всех альтернатив, кроме одной (способ выбрать правильное решение). Все эти случаи были терминологизированы и кодифицированы. В настоящее время этот метод возрожден и применяется в коммуникативном менеджменте [Супрун, 1999], а до этого такая проблема стояла перед разработчиками искусственного интеллекта [Виноградов, Флорес, 1996]. Ясно, что владение этими топосами дает опре-

деленное конкурентное преимущество и человеку, и обществу, и какой-либо социальной группе, даже искусственной системе (!), т.е. всем, кто владеет этим преимуществом.

Все это выявляет прежде всего лингводидактический смысл топосферы, которого концептосфера не имеет. Здесь, однако, надо сделать существенную оговорку. Если держаться представления о топосе как о средстве риторической инвенции, или «изобретения», то многие стороны лингвистической компетенции окажутся за пределами топосферы. Речь не будет идти, например, об использовании синтаксических фигур или лексических возможностей стилевых модуляций. Речь идет о семантико-тематическом уровне и отчасти о синтактике, поскольку она связана с развертыванием текста. Так, резюмирование (риторическая рекапитуляция) может быть все же рассмотрено в качестве соответствующего топоса. Напомним также, что в классический набор общих мест входит разобранный нами топос «род и вид». Это означает, что использование вида при разработке темы – одно из общих мест. Если в области концептосферы «натаскивание» учеников выглядело бы нелепо, то работа с топосом «род и вид» вполне может вестись в форме тренинга, развивающего как речевые, так и мыслительные навыки обучаемого.

Далее, топики является частью языковой политики, притом частью наиболее тесно связанной с идеологией. Ниже это будет показано на примере феномена песни, вообще очень показательного для изучения топосферы. Идеология ведь опирается не только на концепты, но и на общие места. Более того, в условиях идеологического контроля над СМИ топики используется даже негативно: существует индекс запретных тем, запретных мыслительных ходов. В языке существуют выражения «запретная тема», «нежелательная тема» и т.п. В России второй половины XIX в. существовал эвфемизм «вопросы», обозначавший острые для власти темы, откуда у А.К. Толстого: «Я ж друг властей и вечный враг так называемых вопросов». Анекдот сталинских времен «у нас нет народа: есть отец народа и враги народа» отражал, напротив, реакцию на обязательную топику политического дискурса. Топос врага в 30-е гг. был практически облигаторен: любая тема могла быть рассмотрена в аспекте «врага» или «вредителя». Например, одна из работ того времени называлась «Вредительство на фронте советского уголовного права». Следовательно, даже такую абстрактную область, как теорию права можно было рассмотреть под углом «врага враждебных теорий». Все это негативные примеры, опасные крайности, интересные тем, что они, как всякие крайности, резко очерчивают проблему. Но как бы то ни было участие топосферы в государственном строительстве и национальной консолидации совершенно очевидно.

Наконец, топосфера является частью языковой моды. Языковые вкусы эпохи не сводятся к синонимическому выбору единицы языка из ва-

риантов, предложенных системой языка. Этот вопрос, конечно, требует самостоятельного изучения, но, по нашему глубокому убеждению, узко стилистическое мышление мешает увидеть социальное содержание языковых процессов, обнаруживаемое сквозь призму риторических категорий. Примером этого может служить стилистическое осмысление так называемого канцелярита. Изначальное понимание термина К. Чуковский [Чуковский, 1963] несло в себе значительное социальное содержание, сведенное впоследствии к неадекватному стилистическому выбору, что дало современным стилистам возможность рассматривать в том же ряду «науковит», «бытовит» и другие случаи употребления стилистически маркированной единицы за пределами ее функционального стиля [Шмелева, 2000]. Сегодня, однако, канцелярит легко связывается с явлением, названным лингвистическим цинизмом [Сковородников, 2003]. Этот цинизм есть проявление одной из тенденций языковой моды, тенденции, связанной с антигуманитарным взглядом на человека. Такой взгляд имеет свои собственные топосы. Топос технологического подхода к насилию (без каких бы то ни было нравственных оценок и сочувствия жертве) – это именно то, что сегодня вызывает осуждение у значительной части общества и тем не менее продолжает оставаться на гребне моды за счет социального заказа другой части. Топос рассмотрения человека в качестве «человеческого материала» был ярким проявлением канцелярита и языкового цинизма времен Чуковского.

Все это, и прежде всего лингводидактический аспект, ставит вопрос об источниках изучения топосферы и, соответственно, источниках воздействия на нее. Будучи связанной не с языком, а с речью, топосфера зависит от устных и письменных текстов, от прецедентных текстов в первую очередь. Это заставляет нас обратиться к источникам таких текстов. В этом плане надо рассмотреть художественную литературу, жанры массовой коммуникации, а также религиозные и историко-филологические тексты широкого бытования.

Художественная коммуникация, художественный или поэтический дискурс часто становятся предметом монографических исследований в работах по теории языка [Горло, 2007]. В социальном плане это очень специфичная коммуникация, специфичный вид дискурса, к чему лингвистика не всегда относится с должной чувствительностью. Ведь общение поэта с читателем – дело интимное. Как и где суммируются подобные коммуникативные акты – большой вопрос. Научный дискурс, например, вполне прозрачен, его образуют реплики разных членов научного сообщества, знакомых друг с другом по публикациям, часто лично. Где, однако, собираются читатели и писатели? На специальных встречах? Но это достаточно периферийное явление. Или поэтический дискурс – это обсуждение поэтических произведений в литературных кафе и салонах? Обычно подразумеваются более простые вещи, хотя и не-

додумываются до конца: читатель познакомился с произведением писателя, и вопрос о том, с кем он обсуждает это произведение, попросту не ставится. К тому же даже зафиксированный факт обсуждения поэтического произведения, как правило, никто не отнесет к поэтическому дискурсу или к художественной коммуникации. Получается, что поэтический дискурс – это одновременно совокупный текст поэзии, ведь поэты оглядываются друг на друга, цитируют друг друга, и в то же время это диалог поэта с читателем. В отличие от несообразностей классической риторики, оправданных прагматически, данная несообразность такого оправдания не имеет.

Тем не менее, влияние художественной литературы не только на сознание, но и на коммуникативные привычки читателей совершенно очевидно. Тривиальным примером такого влияния является общеизвестный феномен формирования норм литературного языка под влиянием авторитетных произведений литературы. Менее тривиально подражание говорящим субъектом речи тех или иных персонажей, например, сознательной или несознательной стилизации своей речи под речь того или иного автора. Все это факты усвоения коммуникативных навыков через персонифицированную как часть концептосферы, имеющей коммуникативную составляющую.

Как бы то ни было, построение топосферы на материале художественных текстов дело достаточно сложное, если только подходить к нему ответственно, не отождествляя литературу и жизнь, тем более, что в отношении топосов речь идет не о способах выражения, не об уровне риторической элокуции, а о способах тематического развертывания, т.е. о риторической инвенции. Связь художественной топики с топикой бытовой или научной – вопрос чрезвычайно интересный, богатый любопытными открытиями. Мне случалось заниматься им только в одном аспекте – аспекте судебного красноречия. Зависимость судебного и отчасти думского красноречия дореволюционной России от русской классики бросается в глаза, причем не на уровне стилистики, а именно на уровне топики.

Связь литературы с топосферой культуры зависит от жанров и от характера их бытования. Так, массовая песня является гораздо более доступным объектом для изучения коммуникации под топическим углом, чем любая другая поэтическая форма. Песня не только сочиняется, но и исполняется, причем не только профессионально, но и любительски, и не только индивидуально, но и совместно. Песня часто воспроизводится как целиком, так и фрагментами, часто цитируется. Ее коммуникативные модели значительно более диффузны по отношению к обычному общению, чем, например, поэзия Трагедии или проза Пруста.

Топосфера массовой песни живет по законам своеобразной общественной хрестоматии – копилки образцов коммуникативного поведения. Поскольку топос – категория содержательная, речь идет не столько

о словесных формулах, сколько о тематизации того или иного предмета. Если говорить о словесных формулах, то песня, разумеется, пополняет запас крылатых слов, летучих цитат и этим непосредственно вписывается в обычную бытовую коммуникацию. Но она не дает стилистических образцов для облечения соответствующих мыслей в слова, т.е. стилистических образцов для этой же коммуникации. В быту не поют стихи, но говорят прозой. Однако в содержательном плане песня создает именно образцы коммуникативного поведения.

Официальная песня как часть идеологии наряду с плакатом является даже не столько хрестоматией, сколько букварем – способом задавать парадигмы. Соответственно контркультура и субкультура могут иметь собственные буквари, наиболее функционально нагруженные в культуре «воровской» песни. Топика последней в период ее расцвета представляет собой настоящий кодекс поведения вора и хрестоматию прецедентов из воровской жизни. Если воровской жаргон дает картину мира, т.е. первичную концептуализацию, в которой люди делятся на «воров», «фрареров», «легалых» и т.п., то воровская песня дает набор общих мест из жизни этих персонажей. В этом смысле знаменитая «Мурка» фиксирует прецедент перехода «марухи» из лагеря «воров» в лагерь «легалых» и месть за это. При этом разворачивается топос сравнения «блатной» жизни с жизнью обычной.

Советский период нашей истории представляет собой большой культурный пласт, когда под влиянием разрушения старых сословий и еще в большей степени урбанизации происходило микширование населения в масштабах воистину грандиозных. Естественно, это в наибольшей степени отразилось на коммуникативной ситуации. К сожалению, интерес к данному периоду носил главным образом публицистический характер в диапазоне pro и contra, а лингвистические исследования велись вокруг концептов советской культуры [Мокиенко, Никитина, 1998]. В коммуникативном плане изучался образ оратора [Романенко, 2003] с опорой на довольно красивую модель двух культур [Паперный, 1996], хотя, возможно, и не исчерпывающую всей темы [Хазагеров, 2005].

Монографическое или лексикографическое описание топики советской песни, несомненно, обогатило бы наше знание об официальном срезе советской культуры. Песня была одним из самых мощных после школьной программы по литературе инструментов интеграции городских и сельских слоев населения. В официальной песне, например, тиражировался топос, названный исследователями словесности XVIII в. «имперской формулой» [Пумпянский, 1983, 9] (название, может быть, и не самое удачное). Речь идет о том, что тема родины развивается через топос многообразия, покрывающего некий универсум по схеме «от ... и до ...». Например: «От тайги до самых до окраин, с южных гор до

северных морей». Впервые этот топос в русской словесности появляется, однако, задолго до имперского периода в «Слове о погибели русской земли». В имперский же период он входит в титулование императора или императрицы. В советское время этот топос использовался для характеристики СССР, причем не только как географический, но этнический, хозяйственный, культурный. Заметим, что сама тема урбанизации и микширования населения хорошо отражена в топике любовной песни, в топосе предместья, где встречаются черты и городского, и сельского локуса. Монографическое или лексикографическое описание топики официальной и неофициальной советской песни (дворовой песни [В нашу гавань..., 2001] и песни бардов, авторской) дало бы очень ценный материал для построения топосферы культуры.

Актуальным остается и изучение топики «большой литературы». Литературные топосы имеют две среды распространения за пределы литературы. Это школа, которая выводит их в общее коммуникативное пространство, часто при этом осуществляя собственную селекцию. Другой канал можно назвать «книжной культурой». Выше уже говорилось о влиянии классической литературы на судебные речи в пореформенной России. Адвокаты и значительная часть присяжных были знакомы с текстами Толстого и Достоевского, откуда заимствовалась топка защитительных речей. Не трудно проследить влияние литературной топики на развитие академического красноречия в XIX в. Влияние художественного языка можно заметить в работах классиков отечественной психиатрии, причем это влияние не на уровне стиля, а на уровне аспектуализации мысли, особенно при описании анамнезов.

Тема взаимовлияния литературы и науки решается именно на концептуальном уровне, перенесение центра тяжести на уровень топический дает ей новый разворот. Речь идет не только о топосах-темах (энергиях и подобных им), но и о том, что можно было бы назвать «мыслительными ухватками» (топосы четвертого типа и отчасти первого). Чтобы представить себе эту тему в более привычных категориях, можно говорить о взаимовлиянии жанрово-композиционного репертуара научных и художественных текстов.

Другим и наиболее перспективным источником изучения топосферы может стать массовая коммуникация. Есть все возможности оценки богатства или бедности топосферы массовой коммуникации в разных ее секторах. Лексикографическое описание этой топосферы с весовыми коэффициентами топосов даст неоценимый материал для социологического анализа. Необходимо проследить тенденции к сокращению или расширению топики. С идеологической и культурно-дидактической точки зрения интересно было бы поставить вопрос о лакунах топосферы. Здесь видится ряд перспективных и востребованных исследований. Отметим в

связи с этим несовпадение понятий «топос» и «контент», дабы не создавалось иллюзий, что такая работа уже проделана. Топосы есть не просто тематическое содержание текста, но способ развертывания той или иной темы, включая и собственно тематическое развертывание (топосы третьего типа), и жанрово-композиционное развертывание (топосы четвертого типа), а также логико-риторическое развертывание (топосы первого и второго типов). Палитра топосов гораздо богаче диапазона сегодняшнего анализа контента. Кроме того, топосфера – это целая структура, некий гипертекст коммуникативной культуры, а не набор отдельных тем. В этом смысле проводить анализ на синхронном срезе удобнее, если имеется топическая карта. О подобном мы писали в связи с анализом протоколов фокус-групп [Хазагеров, 2003].

Отдельная тема – это топосфера права, первые подступы к построению которой были предприняты еще в Древнем Риме и которая изучается сегодня отечественными [Соболева, 1998] и зарубежными исследователями [Durham, 1993].

Любая наука, а история и филология в первую очередь, может также быть исследована под углом топосов. Например, на базе изучения топосферы лингвистики или литературоведения можно получить аппарат эффективного анализа экспансивного и экстенсивного развития этих наук в тот или иной период, получать кривые их развития и упадка на протяжении ряда лет, возможно даже оценивать перспективность направлений исследования.

Литература

1. *Аверинцев С.С.* Риторика как подход к обобщению действительности // С.С. Аверинцев. Риторика и истоки европейской литературы. М., 1996.
2. *Аристотель.* Риторика // Античные риторика. М., 1978 а.
3. *Аристотель.* Топаика // Аристотель. Соч.: в 4 т. Т. 2. М., 1978 б.
4. *Белановский С.А.* Метод фокус-групп. М., 2001.
5. *Виноград Т., Флорес Ф.* О понимании компьютеров и познания // Язык и интеллект. М., 1996.
6. В нашу гавань заходили корабли // Сб. песен: в 2 т. М., 2001.
7. *Гаспаров М.Л.* Античная риторика как система // Гаспаров М.Л. Работы по поэтике. М., 2001.
8. *Горло Е.А.* Универсальная антропоцентрическая модель поэтического дискурса: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Ростов н/Д, 2007.
9. *Зеленецкий К.П.* Топаики // Русская словесность. Антология. М., 1997.
10. *Иванов Л.Ю.* Энаргия // Культура русской речи. Энциклопедический словарь-справочник. М., 2003.
11. *Колесов В.В.* Философия русского слова. СПб., 2002.

12. *Лихачев Д.С.* Концептосфера русского языка // Известия РАН. Отделение литературы и языка. 1993. № 1.
13. *Ломоносов М.В.* Краткое руководство к красноречию // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч.: в 11 т. Т. 7. Труды по филологии. М., 1952.
14. *Махов А.Е.* Топос, общее место // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2001.
15. *Минский М.* Фреймы для представления знаний. М., 1979.
16. *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Толковый словарь языка совдепии. СПб., 1998.
17. *Москвин В.П.* Аргументативная риторика: теоретический курс для филологов. Ростов н/Д, 2008.
18. *Общая риторика* Ж. Дюбуа, Ф. Эделин, Ж.-М. Клинкаенберг, Ф. Мэнге, Ф. Пир, А. Тринон. М., 2006.
19. *Паперный В.З.* Культура-два. М., 1996.
20. *Пумпянский Л.В.* Ломоносов и немецкая школа разума // XVIII век. Сб. 14: Русская литература XVIII – начала XIX века в общественно-культурном контексте. Л., 1983.
21. *Романенко А.П.* Советская словесная культура: образ ратора. М., 2003.
22. *Силантьев И.В.* Теория мотива в отечественном литературоведении и фольклористике: Очерк историографии. Новосибирск, 1999.
23. *Сковородников А.П.* Лингвоцинизмы // Культура русской речи. Энциклопедический словарь-справочник. М., 2003.
24. *Соболева А.К.* Топика и аргументация в юридических текстах: дис. ... канд. филол. наук. М., 1998.
25. *Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. М., 1997.
26. *Степанов Ю.С.* Семиотика концептов // Семиотика. Антология. М., 2001.
27. *Супрун А.В.* Новые тенденции в теории и практике принятия управленческих решений // Системная аналитика и проблемы принятия решений. М., 1999.
28. *Уорф Б.* Отношение норм поведения и мышления к языку // А. Звегинцев. История языкознания в очерках и извлечениях. М., 1965.
29. *Хазагеров Г.Г.* Культура-1, культура-2 и гуманитарная культура // Знамя. 2005. № 3.
30. *Хазагеров Г.Г.* Метаплазм и вариант // Девяты международные Виноградовские чтения. Функционирование языка и речи. М., 2006 а.
31. *Хазагеров Г.Г.* Ось интенции и ось конвенции: в поисках новой функциональности в лингвокультурологических исследованиях // Социологический журнал. 2006 б. № 1/2.
32. *Хазагеров Г.Г.* Перспективы лексикографического описания данных социологического опроса // Социологический журнал. 2003. № 2.
33. *Хазагеров Г.Г. Лобанов И.Б.* Риторика, Ростов н/Д, 2004.
34. *Чуковский К.И.* Живой как жизнь (О русском языке). М., 1963.
35. *Ширяев Е.Н.* Культура речи // Культура русской речи. Энциклопедический словарь-справочник. М., 2003.
36. *Шмелева Т.В.* Канцелярит и другие речевые недуги // Речевое общение: Специализированный вестник. Вып. 3 (11). Красноярск, 2000.

37. *Bouty M.* Dictionnaire des oeuvres et des thèmes de la littérature française. Classiques Hachette. Paris, 1980.
38. *Curtius E.* Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter. Bern, 1954.
39. *Durham, Cole W., Jr.* Foreword to: Vieweg, Theodor. Topics and Law: a contribution to basic research in law. Frankfurt am Mein; Berlin; Bern; New York; Paris; Wien. 1993.
40. *Grimaldi W.* Studies in the Philosophy of Aristotle's Rhetoric. Wiesbaden, 1972.
41. *Lanham R.A.* Handlist of Rhetorical Terms. Barklay, Los-Angels, 1968.
42. Quintilian's institutes of oratory or education of an orator. L., 1909.
43. *Viehweg Th.* Topik und Jurisprudenz. München, 1953.